

18+

ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВ

Сад костяных роз. Хранительница

КНИГА ВТОРАЯ

Евгений Юрьев
Сад костяных роз.
Хранительница. Книга вторая

<https://litres.ru/74543987>

ISBN 9785007134897

Аннотация

Айви стала Хранительницей Сада, но цена оказалась выше, чем она могла представить. Роан не сдаётся — он нашёл способ проникнуть в её душу, оставляя чёрные семена тьмы. Он знает то, чего не знает даже Сад: где живёт её отец, которого она не помнит. Пока Стена трещит, Айви должна вспомнить прошлое, чтобы не потерять будущее. Но каждый шаг к правде отнимает у неё память. И в этой войне ей придётся выбирать между тем, кем она была, и тем, кем ей предстоит стать.

Содержание

Пролог. Семя	5
Глава 1. Дыхание Сада	9
Глава 2. Голос корней	16
Глава 3. Кровь и тень	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сад костяных роз. Хранительница Книга вторая

Евгений Юрьев

Благодарности:

Евгений Геннадьевич Юрьев

© Евгений Юрьев, 2026

ISBN 978-5-0071-3489-7 (т. 2)

ISBN 978-5-0071-2767-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Семя

Трон из корней пах смертью.

Не той, что приходит быстро — с мечом, с огнём, с криком. А той, что тянется годами, как болезнь, как гниль под корой, как сон, из которого не хочется просыпаться. Роан сидел на нём неподвижно, и тьма за его спиной дышала в такт его дыханию. Медленно. Терпеливо. Так дышат те, кто умеет ждать.

В его ладони лежал белый лепесток.

Он был тёплым. Ещё живым. Ещё хранил запах её кожи — земли, терновника и той приторной сладости, что всегда сопутствует первой крови. Роан поднёс лепесток к лицу, закрыл глаза и вдохнул.

Запах ударил в ноздри, прошёл по гортани, растёкся по венам. Он помнил этот запах. Помнил, как он сводил с ума его брата. Как он сводил с ума его самого.

— Лира, — прошептал он.

Имя сорвалось с губ, как сухой лист. Сколько лет он не произносил его вслух? Сто? Двести? Оно всё ещё жгло. Всё ещё отдавалось в груди глухой, ноющей болью, которую не утолить ни кровью, ни временем.

Лира.

Её дочь пахла так же.

Роан открыл глаза и посмотрел на свои руки. Он помнил,

как эти руки впервые коснулись Лиры. Она стояла в Саду, среди цветов, и смеялась. Тот смех — светлый, лёгкий — звучал в его голове до сих пор, даже через сотни лет.

— Ты не боишься меня? — спросил он тогда.

— А должна? — она улыбнулась. — Ты же садовник. Как и я.

— Я страж. Это другое.

— Нет, — она покачала головой. — Мы оба — те, кто растит. Ты — Стену. Я — цветы. Мы — одно.

Она сказала это так просто, так легко. А он поверил. Он поверил, что они — одно. Что она никогда не оставит его. Что она останется здесь, в этом мире, с ним.

Но она ушла.

Роан сжал лепесток в кулаке. Сок вытек между пальцами, тёплый, липкий, как кровь. Он не дрожал. Он привык к боли. Привык к тому, что мир отнимает у него всё, что он любит.

— Она выбрала человека, — сказал он в пустоту. — Человека, который не мог дать ей ничего. Ни бессмертия, ни силы, ни Сада. Только страх. Только слабость. Только... любовь.

Это слово обожгло его сильнее, чем любое проклятие. Любовь. Она ушла за любовью. А он остался с пустотой, которая зияла в груди так долго, что стала его второй душой.

— Я видел, как они смеялись вместе. Как он целовал её руки. Как она гладила его по голове, когда он боялся. — Роан усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Я ждал, что

она вернётся. Я ждал, что она поймёт: он не стоит её. Но она не вернулась. Она выбрала смерть.

Он разжал пальцы. Вместо лепестка на ладони лежало чёрное семя. Оно пульсировало в такт его сердцу, и в этом пульсе было что-то живое. Что-то, что ещё не родилось.

— Я мог бы вернуть ей голос матери, — произнёс он. — Мог бы вернуть всё. Все воспоминания, что Сад сожрал. Каждое. До единого.

Он помолчал, вглядываясь в темноту за Стеной. Там, далеко, в замке из терновника, спала Айви. Она не знала, что её прошлое уже идёт по следу. Не знала, что человек, которого она считала мёртвым, жив. Не знала, что её отец ближе, чем ей кажется.

— Но есть одно воспоминание, которое она спрятала так глубоко, что даже Сад не смог его найти.

Роан улыбнулся. Тонко. Холодно. Так улыбается палач, знающий, что жертва ещё не догадывается о своей участи.

— Она не помнит, как выглядит её отец. Но я помню. Я знаю, где он. Я знаю, кто он. И когда я приведу его к ней, она придёт ко мне сама.

Он поднялся. Корни за его спиной, что вились по стенам, как змеи, распрямились, потянулись к нему, обняли за плечи, как старые друзья. Тьма втянулась в него, стала частью его, и на мгновение Роан почувствовал себя почти живым.

— Она считает, что выбрала его. Тёрна. Но она ещё не знает, что такое выбор, когда у тебя забирают всё, ради чего

ты жил.

Он сделал шаг вперёд. Трон из корней за его спиной рассыпался, как прах. Тьма подхватила его, понесла сквозь лес, сквозь Стену, сквозь миры.

А на каменном полу, там, где только что стоял трон, осталось лежать чёрное семя. Оно пульсировало в темноте, как сердце умирающего леса. Как обещание, которое обязательно сбудется.

Где-то далеко, за Стенами, в замке из терновника, Айви спала в объятиях Тёрна. Её дыхание было ровным, спокойным. Она не знала, что её прошлое уже идёт по следу.

Не знала, что человек, которого она считала мёртвым, жив.

Не знала, что её отец ближе, чем ей кажется.

И не знала, что Роан уже держит в руках ключ от её памяти.

Семя пульсировало.

И где-то во тьме Роан улыбался.

Глава 1. Дыхание Сада

Замок просыпался медленно.

Серый свет сочился сквозь высокие окна, ложился на каменный пол бледными пятнами, скользил по стенам, оплетённым терновником. В воздухе пахло сыростью, воском и той особенной тишиной, что бывает только перед рассветом. Айви лежала на кровати, отвернувшись к окну, и смотрела, как за стеклом шевелится мёртвый лес.

Она почти не спала.

После возвращения из-за Стены, после того как Вайолет очнулась, после того как Тёрн рассказал ей о Роане, сон стал редким гостем. Он приходил урывками, тяжёлыми, вязкими кусками, и каждый раз оставлял после себя привкус пепла. Будто сам мир за Стеной не хотел отпускать её.

Она повернулась на другой бок. Тёрн лежал рядом, на спине, с закрытыми глазами. Но она знала: он не спал. Его дыхание было слишком ровным, слишком осторожным. Он всегда так дышал, когда притворялся спящим.

— Я знаю, что ты не спишь, — сказала она тихо.

— Я никогда не сплю, когда рядом ты. — Он не открыл глаз. — Слишком опасно.

— Опасно? — Айви приподнялась на локте, заглянула ему в лицо. — Я что, храплю?

— Ты ворочаешься. И говоришь во сне.

— Что говорю?

Он наконец открыл глаза. Зелёные, глубокие, с золотыми прожилками, которые проступали, когда он был особенно устал.

— Просишь кого-то не уходить.

Айви замерла.

— Кого?

— Меня. — Он повернул голову, посмотрел на неё. — Ты говоришь: «Тёрн, не оставляй меня». И я не оставляю.

Она не знала, что ответить. Что-то внутри сжалось — не от страха, а от той обнажённой правды, что всегда возникала между ними, когда они оставались наедине. Без стен. Без масок. Без Сада.

Она хотела сказать что-то лёгкое, чтобы разрядить тишину, но вместо этого спросила:

— А ты? Ты тоже говоришь во сне?

Он усмехнулся. Едва заметно.

— Только когда ты рядом.

— И что ты говоришь?

— Что я не уйду.

Она не нашла слов. Просто придвинулась ближе, положила голову ему на плечо. Его рука легла на её спину, тёплая, чуть шершавая. И в этом прикосновении было больше смысла, чем в любых словах.

— Я не помню, как уснула, — сказала она наконец.

— Ты не спала несколько дней. Тело взяло своё.

— А ты?

— Я фея. Мне не нужно столько сна, сколько человеку.

— Я тоже наполовину фея.

— Наполовину. Поэтому тебе всё ещё нужен сон. И еда.

И тепло. И...

— И что?

— И я.

Айви не сдержала улыбку.

— Ты ужасно самоуверенный.

— Это не самоуверенность. Это факт.

— Откуда такая уверенность?

— Ты не выходишь из моей головы. Даже когда я сплю.

Это не самоуверенность. Это наука.

— С каких пор ты стал учёным?

— С тех пор, как тебя встретил.

Она тихо рассмеялась. Впервые за долгое время — легко, без привкуса горечи.

Завтрак прошёл в тишине — не тяжёлой, а уютной, как одеяло, в которое кутаешься холодным утром. Айви сидела на краю камина, сжимая кружку с травяным отваром, и смотрела, как пар поднимается к потолку.

Вайолет ещё не выходила из своей комнаты — знахарка не пускала её, говорила, что нужно восстановиться после раны. Но Айви знала: дело не только в ране. Вайолет видела Роана. Говорила с ним. И это сломало её изнутри сильнее, чем когти волков.

Никс появился к концу завтрака. Он вошёл без стука, кивнул Айви и плюхнулся на стул напротив.

— Доброе утро, голубки. Точнее, серое утро. Но звучит не так романтично.

— Что-то случилось? — спросила Айви.

— Разлом на юге. Он расширился. Наполовину.

Тёрн отложил нож.

— Когда?

— Ночью. Я ходил проверить. Там уже не просто трещина. Там... — Никс подбирал слова, — как будто Стена сама отползла в стороны. И оттуда тянет тенью.

— Роан, — сказал Тёрн.

— Скорее его гвардия. Сам он вряд ли стал бы марать руки.

Айви переводила взгляд с одного на другого.

— Что это значит?

— Это значит, что Стена слабеет, — ответил Тёрн. — Сад растёт, но недостаточно быстро. Роан это чувствует. И давит.

— Что он хочет? Просто разрушить Стену?

— Нет. Он хочет, чтобы я открыл её сам. Чтобы Сад признал его. А для этого ему нужна ты.

Айви сжала кружку с водой. Лоза на запястье запульсировала, как испуганное сердце.

— Я не пойду к нему.

— Знаю. — Тёрн поднялся, подошёл к окну. — Но он не спрашивает. Он заставит.

— Как?

— Например, придёт за твоим отцом.

Айви замерла.

— Моим отцом?

— Да. Тот человек, что отдал тебя в услужение и исчез.

Роан знает, где он. И он знает, что ты не помнишь его лицо. Это идеальная приманка.

— Я не помню его. И не хочу помнить.

— Но он — твоя кровь. А кровь — это всегда крючок. Особенно когда её не хватает.

Айви опустила глаза. Внутри поднималась глухая, тянущая злоба. На отца, что бросил её. На Роана, что собирался использовать это. На саму себя — за то, что не могла просто перевернуть страницу.

— И что мы будем делать? — спросила она.

— Укрепим Сад. Настолько, чтобы Стена встала. — Тёрн повернулся, посмотрел на неё. — Но для этого тебе придётся сделать то, чего ты ещё не делала.

— Что?

— Отдать Саду не только кровь. Отдать ему себя. Полностью.

Воздух в комнате стал густым. Айви слышала, как тикает где-то в стене сверчок. Или не сверчок. Терновник, что шуршал за окном, как живое существо.

— Что это значит? — тихо спросила она.

— Это значит, что ты перестанешь быть просто садовни-

цей. Ты станешь Хранительницей. По-настоящему. Как твоя мать. Как все, кто был до тебя.

— И что я потеряю?

Тёрн молчал. Долго. Потом подошёл, взял её за руку. Его пальцы были холодными.

— Память. Не всю. Но часть. И возможно, не навсегда.

— А если я не захочу?

— Тогда мы будем жить в осаде. Пока Роан не найдёт способ прорваться.

Айви смотрела в его глаза. В них не было ни угрозы, ни страха. Только правда. Та самая, которую она просила не скрывать.

— Дай мне время, — сказала она.

— Время — это то, чего у нас почти нет.

— Но оно есть. Пока есть.

Тёрн кивнул. Не стал давить. Просто сжал её ладонь и отпустил.

— Сегодня вечером придёшь в Сад. Не для крови. Просто поговорить.

— С Садам?

— Да. Он хочет тебя слышать.

Айви не ответила. Но внутри что-то дрогнуло. Не страх. Не любопытство. Что-то древнее, что она не могла назвать. Словно земля под ногами звала её домой.

Она подошла к окну, взгляделась в серую мглу. Лес за стеклом дышал, как старый зверь. Айви смотрела, как он шеве-

лится, и не могла отвести взгляд — будто там, за чёрными стволами, прятался ответ. Но ответа не было. Был только страх. Тот самый, который она носила в себе столько лет, что уже забыла, когда он появился.

— Ты боишься? — спросил Тёрн.

— Всегда.

— Это нормально.

— Знаю. Но я устала бояться.

Он подошёл, встал рядом. Не касаясь. Просто стоял, и от этого ей стало легче.

— Тогда перестань, — сказал он. — Начни жить.

Айви повернулась к нему.

— А если я не умею?

— Научишься. Я помогу.

Глава 2. Голос корней

Сад встретил её тишиной.

Не той мёртвой, что висела здесь в первые дни, а другой — живой, настороженной, как дыхание перед грозой. Айви стояла у входа и смотрела, как светляки — те самые, что плавали под потолком в библиотеке, — теперь вились над грядками, оставляя за собой серебристые следы.

Ростки поднялись. Их было уже не несколько — десятки. Они теснились у подножия куста, тянулись вверх, к серому небу, которого здесь никогда не было. На их листьях блестела роса. Не обычная — алая, как разбавленная кровь.

Айви подошла ближе. Земля под ногами была тёплой. Мягкой. Она скинула сапоги, как делала иногда в детстве, когда мама разрешала ей ходить по огороду босиком. Холод пола остался позади — здесь, в Саду, всегда было своё тепло.

Она ступила на землю босыми ногами. Пальцы утонули в мягкой почве, и по телу пробежала дрожь — не от холода. От узнавания. От того, что земля узнала её.

— Я пришла, — сказала она. — Одна.

Сад не ответил. Но куст в центре качнулся. Едва заметно, без ветра.

Айви опустилась на колени. Положила ладони на землю. Та была влажной, пахла прелью и молодыми ростками. Айви закрыла глаза.

— Тёрн говорит, ты хочешь меня слышать. Но я не знаю, что говорить. Я не умею молиться.

Тишина.

— Мама умела. Она разговаривала с цветами. Я слышала, как она шептала им что-то по утрам. Только слов разобрать не могла. Может, их и не было.

Где-то под землёй раздался тихий гул. Не страшный. Скорее успокаивающий, как далёкий дождь.

Айви зажмурилась, и в темноте всплыло лицо матери. Размытое, как сон, но тёплое.

— Она говорила, что цветы слушают. Что если я буду врать им, они завянут. Я не хочу врать тебе. Я не хочу, чтобы ты завял.

Гул под землёй стал громче. Айви почувствовала, как пальцы Сада обвивают её ладони — не грубо, а словно утешая.

— Я боюсь, — призналась она. — Боюсь, что ты заберёшь меня. Что от меня останется только то, что тебе нужно. Что я стану пустой, как старая кадка с мёртвым жасмином.

Гул стал глубже. Айви почувствовала, как под ладонями задвигалось — не грубо, а словно кто-то подталкивал её изнутри.

— Я не хочу потерять себя, — прошептала она. — Но я не хочу потерять и тебя. И его.

Она открыла глаза. Куст стоял перед ней, чёрный, с алыми цветами, что горели в сумерках, как маленькие сердца.

И от него исходило тепло. Не обжигающее — ровное, материнское.

— Я не знаю, кто я, — сказала Айви. — И не знаю, кем стану. Но я знаю, что не могу уйти. Не потому что должна. А потому что ты — часть меня. И если ты умрёшь, я тоже.

Сад вздохнул. И впервые за всё время Айви услышала ответ. Не словами. Ощущением. Как будто кто-то погладил её по волосам и сказал: «Ты уже Хранительница. Просто забудь о страхе».

Она просидела так до темноты. А когда поднялась, ноги не слушались, но на душе было странно легко. Словно она высказала то, что носила в себе годами.

У входа её ждал Тёрн.

— Ну как? — спросил он.

— Он меня слышит.

— А ты его?

— Теперь да.

Он кивнул. И в его глазах мелькнуло что-то похожее на гордость. Или на боль. Айви не разобрала.

Глава 3. Кровь и тень

На следующий день Айви найдет в своей комнате записку.

Бумага была старой, пожелтевшей. Пахла пылью и сушёными цветами. Почерк незнакомый, рваный, как будто писавший торопился или долго не держал перо в руках.

«Ты выросла. Ты сильнее, чем я думал. Но Роан уже идёт. Он знает, где я. И он знает, что ты ничего не помнишь. Если хочешь опередить его — приходи к старому дубу за северной тропой. Я буду ждать. Отец».

Айви читала и перечитывала, пока буквы не начали расплываться. Отец. Её отец. Тот самый, что отдал её в услужение и исчез. Тот, что оставил её одну, когда ей было двенадцать.

Она скомкала записку. Слезы жгли глаза, но она не дала им пролиться.

— Кто это принёс? — спросила она, когда Тёрн вошёл.

— Стража нашла у ворот. Птица. Мёртвая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.